

II. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.124+82.97+22.07

А. Ю. БРАТУХИН

Пермский государственный
национальный исследовательский университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ ОБРАЗА «ЖЕСТОКОГО БОГА» В TERT. SCORP. 7, 1–7

Ключевые слова: Тертуллиан; мученичество как жертвоприношение; Библия; Сатурн; риторический пример; парадокс.

В статье рассматривается тертуллиановское сопоставление мученичества в христианстве с человеческим жертвоприношением в языческих культах и доказывается, что тертуллиановское представление о «жестоком Боге» сформировалось без влияния африканских традиций Сатурнова культа, ссылка на который оценивается как риторический пример. Для доказательства независимости Тертуллиана от язычества в данном вопросе рассматриваются: структура пассажа Tert. Scorp. 7, 1–7, взгляды апологета на культ Сатурна и на мученичество и истолкование Ипполитом Римским библейского стиха (Притч. 9:2), на который ссылается Тертуллиан.

А. Ю. BRATUKHIN

Perm State National Research University

ABOUT THE ORIGIN OF AN IMAGE OF CRUEL GOD IN TERT. SCORP. 7, 1–7

Keywords: Tertullian; martyrdom as sacrifice; Bible; Saturn; rhetorical example; paradox.

In this paper the comparison by Tertullian of martyrdom in the Christianity with human sacrifice in pagan cults is considered and a fact is proved, that the Tertullian's perception of *cruel God* has been formed without influence of

African traditions of the Saturn's cult, reference to which may be a rhetorical example. The structure of the passage Tert. Scorp. 7, 1–7, apologist's views on the Saturn's cult and martyrdom and the interpretation by Hippolytus of Biblical verse (Prov. 9:20), to which Tertullian refers, are considered as arguments of Tertullian's independence from heathenism.

С XVII в. в патрологии обсуждается вопрос, насколько существенным было внебиблейское влияние на Отцов Церкви и церковных писателей. По мнению А. Харнака, определявшего «межкультурный синтез как *прогрессирующую эллинизацию первоначального христианства*», «эллинизация» была неизбежным результатом “врастания” новой религии в традиционное античное общество, и уже в III в. христианство идейно и организационно имело мало общего с тем христианством, каким оно было при Христе. <...> Все, что было создано христианами после Евангелий, нужно поэтому считать плодом в основном эллинского духа и приспособлением религии к понятийному духу эллинской философии¹. В нашей статье речь пойдет о частном вопросе в рамках этой глобальной проблемы, а именно о влиянии на богословские взгляды Тертуллиана (род. в середине II в. — ум. после 220 г.) реалий, связанных с культом так называемого африканского Сатурна.

В своем небольшом, состоящем из пятнадцати глав «Скорпиак» Тертуллиан пишет «о ценности мученичества в этом мире, против “скорпионьего укула” гностиков, которые относят исповедание веры к духовному миру» [Альбрехт, 2005, с. 1666]. Особый интерес представляют отдельные пассажи в седьмой главе указанного сочинения, о которых пойдет речь в нашей статье. Для более полного понимания имеющейся проблемы дадим перевод этой главы. «Скорпион <то есть гностик> еще наносит удары, понося Бога как человекоубийцу; я, конечно, содрогнусь от отвратительного дыхания богохульства, исходящего со зловонием из еретического рта, но я принимаю Бога и таким благодаря надежности того факта, что даже Он Сам провозгласил Себя больше, чем человекоубийцей от лица Своей мудрости устами Соломона. “Мудрость (Sophia), — говорит, — *заклала (iugulavit) сыновей своих*” (ср.:

¹ Цит. по: [Столяров, 2001, с. 64].

Scorp. 9, 1²). Мудрость — это разумность. Разумно, конечно, заклала, если в жизнь, и рассудительно, если в славу. О талант убийства кровных родственников! О искусство преступления! О доказательство жестокости, которая для того убивает, чтобы не умирал тот, которого убивает! <...> О благая мать!³ Я и сам желаю быть отведенным к ее сыновьям, дабы быть убитым ею; я желаю быть убитым, чтобы стать сыном. Но она лишь закалывает своих сыновей или также подвергает мучениям? Ибо я слышал и в другом месте Бога, говорящего: “Я буду жечь их, как жгут золото, и буду испытывать их, как испытывается серебро”. Конечно, посредством пыток огнем и казнями, посредством мученичеств, испытывающих веру. Знает и апостол, каким он представляет Бога, когда пишет: “Если Бог Сына Своего не пощадил, но за нас предал Его, каким образом вместе с Ним не передал нам и всё? (Рим. 8:32)”. Видишь, как даже собственного своего Сына Первородного и Единородного божественная Мудрость заклала, конечно, грядущего жить, мало того, собирающегося вернуть к жизни и других. Я могу сказать с помощью Мудрости Божьей: <она> есть Христос, Который предал Себя за грехи наши. Уже и саму себя Мудрость умерщвляет. <...> Тот, кто не понимает, что Бог жесток, пусть верит. <...> Но ведь позволено в мире сем умиловать Диану скифов, или Меркурия галлов, или Сатурна африканцев человеческим жертвоприношением, и в Лации до нынешнего дня в центре Рима Юпитеру дают попробовать человеческую кровь, и никто не пересматривает это, не считает бессмысленным, не обесценивает волю их бога. Если бы также наш Бог потребовал бы для Себя мученичеств под именем собственно жертвы, кто упрекнул бы Его за обогренную кровью религию, за скорбные обряды, за алтарь в виде костра, за омывальщика трупов жреца и не счел бы скорее счастливым того, кого пожрал Бог?» (Scorp. 7, 1–7). П. Штокмайер на основании этих слов утверждает, что «Тертуллиан приводит до-

² Обычно здесь усматривают намек либо на место из книги Притч (9:2: Ἡ σοφία <...> ἔσφαξεν τὰ ἑαυτῆς θύματα — «Премудрость заклала жертву»), либо из книги Сираха (4:11/12: Ἡ σοφία υἱοὺς αὐτῆς ἀνύψωσεν — «Премудрость возвысила сынов своих»).

³ Д. Рэнкин высказывает предположение, что Тертуллиан здесь отождествлял божественную Мудрость и предсуществующую Церковь [Rankin, 1995, p. 78].

воды в пользу мученичества, следуя такому пониманию (mit einer Vorstellung) Бога, на которое в большей степени наложили отпечаток местные традиции Сатурнова культа, чем библейское мерило (die mehr von den lokalen Traditionen des Saturnkultes geprägt ist als vom biblischen Richtmaß) [Stockmeier, 1979, S. 829–835]. По словам этого ученого, «независимо от решения вопроса, связанного с историей текста, в нашей связи является важным тот факт, что мнимая цитата была привлечена для проведения параллели между изображениями христианского Бога и Сатурна, и, таким образом, мрачная характеристика ‘человекоубийцы’ обоснована библейски» [Там же]. Нам представляется, что такое утверждение не соответствует действительности.

Тертуллиан использовал античные примеры, оказывавшие, вероятно, на него определенное влияние, для подтверждения христианской веры. Доказывая воскресение плоти, он обращается к образам, заимствованным как из природы (день сменяется ночью, как ночь — днем, семена, упавшие в землю, прорастают и т. д.), так и из мифологии (обновление феникса). Последний пример, рассматриваемый им как реальный факт, он подкрепляет ссылкой на измененные им слова Библии: «Если Вселенная недостаточно изображает воскресение, <...> возьми совершеннейший и вернейший пример надежды на это, поскольку перед нами живое существо, и жизни подвластное, и смерти. Я говорю о той птице, принадлежащей Востоку, славной своей единственностью и удивительной своим потомством, которая, сама себя добровольно погребая, обновляется, уходя и приходя в сопряженной с рождением кончине, вновь <становясь> фениксом там, где уже никого нет, вновь та, кого уже нет, другая и та же самая. Что нагляднее и знаменательнее для этого дела, или у какой иной вещи есть подобное доказательство? Бог даже в Своих Писаниях говорит: “Ибо ты процветешь словно феникс (Et florebis enim inquit velut phoenix)”, то есть от смерти и погребения, дабы ты веровал, что можно взыскать сущность тела и у огня» (De res. 13, 1–4). В «Скорпиаке» структура аргументации иная: апологет доказывает значение мученичества при помощи контаминированной цитаты из Библии о Премудрости и только в конце обращается к примерам из различных языческих культовых практик.

Слова о Сатурне следует интерпретировать с учетом других подобных отрывков: у Тертуллиана часто христианские обычаи сопоставляются с делами язычников. Так, в сочинении «О посте» у него сказано: «Но хорошо, что ты, <психик,> хуля наши [то есть монтанистские] сухоядения, уравниваешь их со связанным с воздержанием празднеством Исиды и Кибелы (*casto Isidis et Cybeles eas adaequas*). Принимаю сопоставление как свидетельство. Отсюда выяснится, что божественно то, что подделывает дьявол, подражающий божественному. Из истины нагромождается ложь, из религии сколачивается суеверие. Поэтому ты тем нечестивее, чем ревностнее язычник. Он во имя идола жертвует своей глоткой, а ты во имя Бога не желаешь (*ille denique idolo gulam suam mactat, tu deo non uis*)» (*De ieiun.* 16, 7–8). В приведенном пассаже сходство монтанистской и языческой аскезы объясняется «плагиатом» бесов. Здесь Тертуллиан идет по стопам св. Иустина (ср. *Apol.* I, 54). В «Апологетике» сопоставляются решимость христиан страдать за Бога и готовность древних героев (Муция, Дидоны, Регула, аттической блудницы, спартанцев) и философов (Эмпедокла, Анаксарха, элейца Зенона) умереть ради приобретения славы (*Apol.* 50, 4–11). В сочинении «О единобрачии» в пример невоздержанным христианам ставятся, среди прочих, верховный понтифик, жена фламينا, жрицы Цереры, Весты, ахейской Юноны, скифской Дианы, Пифейского Аполлона, жрецы египетского быка Аписа (*De mon.* 17, 4–6). Нельзя на основании этих сопоставлений утверждать, что на отношении Тертуллиана к посту и целомудрию «наложили отпечаток» языческие культы. В сочинении «О венке» в пример воинам-христианам, не решающимся отказаться от наградного венка, ставится «воин Митры»: «При посвящении в пещере, истинном лагере тьмы, приверженца Митры убеждают возложенный на голову венок, который до этого был ему предложен на мече, словно в подражанье мученичеству, убрать рукой со словами, что его венок — это Митра; и его сразу начинают считать воином Митры, если он сбросит венок, если скажет, что тот заключается для него в его боге» (*De cor.* 15, 3). Кроме приведенных параллелей между христианством и язычеством (пожирание Богом Своих детей, требование воздержания, прославление готовности умереть, повеление отказаться от венка) на страницах

Тертуллиана можно найти и другие. Ссылки на языческие реалии и источники при доказательстве собственных тезисов характерны и для апостола Павла, который, доказывая афинянам их набожность, упоминает существующий у них жертвенник «неизвестному богу» (Деян. 17:23, ср.: Paus. I, 1, 4), а чуть ниже, утверждая, что Богом мы живем, движемся и имеем бытие, ссылается на слова «некоторых из ваших стихотворцев»: «мы Его и род» (Деян. 17:28, ср.: Arat. Phaen. 5). В послании к Титу (Тит. 1:12) цитируется Эпименид [Novum Testamentum, 1984, p. 775]. Однако было бы наивно на основании этих пассажей утверждать, что на богословие апостола язычников оказали влияние афинская культовая практика и творения древнегреческих философов.

Оценим теперь саму вероятность принятия Тертуллианом в расчёт при создании образа Бога «местных традиций Сатурнова культа», рассмотрев отношение апологета к ним в более раннем труде: «Чтобы мне еще лучше опровергнуть эти обвинения, я покажу, что упомянутые преступления совершаются вами частично открыто, частично тайно; поэтому, вероятно, вы нас в них и подозреваете. Младенцев в Африке открыто приносили в жертву Сатурну вплоть до наместничества Тиберия, который распял самих жрецов на тех же самых деревьях при их храме, что покрывали своей тенью преступления, как на поставленных по обету крестах. <...> Но и теперь продолжает тайно совершаться это посвященное богу преступление. <...> Поскольку Сатурн не пощадил собственных сыновей, он был, разумеется, всегда безжалостен к чужим, которых к тому же ему жертвовали сами их родители; и с готовностью отвечали и ласкали младенцев, чтобы те приносились в жертву не плачущими. И однако убийство ближайших родственников сильно отличается от простого убийства. У галлов Меркурию закалывают взрослых людей. Оставлю таврические басни их театрам. Вот в этом отличающемся благочестием городе набожных потомков Энея есть некий Юпитер, которого умывают на посвященных ему играх человеческой кровью. “Но это, — говорите вы, — кровь преступников, приговоренных к растерзанию зверями”. Это, полагаю, меньше, чем кровь человека. Не отвратительнее ли она потому, что это кровь злодея? Во всяком случае кровь проливается при человекоубийстве. О Юпитер, ты

поистине христианин и единственный сын своего отца по жестокости!» (Apol. 9, 1–6). Этот отрывок, «наиболее точный и наиболее интересный из всех античных текстов для истории <Сатурнова> культа» [Leglay, 1966, p. 5. N. 5], свидетельствует о том, что Тертуллиан в 197 г. относился к жертвоприношениям Сатурну с отвращением и едва ли, став монтанистом, разглядел в нем некие детали, повлиявшие на его концепцию Бога. Хотя «Апологетик» и «Скорпиак» написаны для разных аудиторий и Тертуллиан мог в этих трудах по-разному оценивать одни и те же факты, однако реальная оценка им языческого культа измениться не могла, а именно она, а не парадоксальные, брошенные читателям фразы, должна была бы сформировать некое новое представление о Боге. По нашему мнению, и в «Скорпиаке», и в «Апологетике» мы встречаемся с риторическим приведением примеров: и там и здесь появляются скифская Диана (из «таврических басен»), галльский Меркурий, африканский Сатурн и римский Юпитер. Известно, что «античные риторы уделяли большое внимание приведению примеров и предписывали многочисленные правила их использования. Приведение примеров действительно является существенным для искусства убеждения. Согласно Аристотелю, пример (paradeigma) является риторической формой индукции. Пример, по его словам, может состоять (1) из упоминания исторических событий как доказательства или (2) из сравнений, придуманных оратором, таких как соответствия, взятые из повседневной жизни или из мифов и сказок» [Carlson, 1948, p. 93]. Таким образом, сравнение Бога с Сатурном в «Скорпиаке» (или с Прометеем в других сочинениях (Apol. 18, 2; Adv. Marc. I, 1, 4)) — обычный риторический прием, а не следы небиблейского влияния на христианского автора. Сошлемся на слова Т. Д. Барнеса, который, указав на упоминание Секстом Эмпириком человеческих жертвоприношений Кроносу и Артемиде (Pyrh. Hupoty. III, 208, 221), делает вывод: «Оба примера являются риторическими общими местами (rhetorical commonplaces), которые один автор повторяет за другим без изменения или попытки проверки» [Barnes, 1985, p. 15]. Конечно, жертвоприношения африканскому Сатурну были для карфагенянина Тертуллиана более известными, чем жертвоприношения скифской Диане, галльскому Меркурию и римскому

Юпитеру. Однако эта осведомленность апологета не препятствует тому, чтобы упоминание этого культа рассматривать как один из равноценных примеров в ряду прочих.

В трактате «О душе», где нет и намек на жертвоприношения Сатурну, Тертуллиан, ссылаясь на Библию, высказывается о мученичестве как о единственном способе сразу попасть в рай: «А каким образом явленная Иоанну в духе область рая, которая расположена под алтарем, не показала никаких душ, кроме душ мучеников? Но почему же Перпетуя, мужественнейшая женщина, в день мученичества в откровении увидела там одних лишь мучеников, если не потому, что меч, привратник рая, не уступает никому, кроме тех, кто умер во Христе, а не в Адаме? Новая смерть за Бога и необычайная смерть за Христа принимается иным и особым пристанищем. Итак, постигни различие между язычниками и верными в смерти: <тебя можно будет отнести к последним,> если ты погибнешь за Бога, как призывает Утешитель, не от нежных лихорадок на мягких постелях, но в мученичестве; если поднимешь свой крест и последуешь за Господом, как велел Он Сам. Единственный ключ от рая — твоя кровь. Ты знаешь о рае из нашей книжки, в которой мы устанавливаем, что всякая душа в преисподней сохраняется на день Господа» (De an. 55, 4–5). Такое истолкование слов Христа в этом пассаже, весьма напоминающем разбираемый нами, объясняется, очевидно, общим настроением апологета, неоднократно затрагивающего тему мученичества (наиболее подробно он касается этой темы в трактатах «О бегстве в гонении», «К мученикам»). Для Тертуллиана вообще характерно желание скорее прийти к Богу: «Люди обосновывают свое вступление в брак заботой о потомстве и горчайшим желанием иметь детей. Но и это для нас неприемлемо. Действительно, почему мы стремимся иметь детей, которых, когда имеем, хотим выслать вперед себя <из мира>, разумеется, ввиду грядущих бедствий, желая, чтобы и сами мы были изъяты из этого враждебнейшего века и приняты у Господа, каково было и желание апостола» (Tert. Ad uxor., I, 5, 1). Призывы к мученичеству содержатся в Новом Завете (например: Мк. 8:34–38). Они с гораздо большей вероятностью могли повлиять на ригориста Тертуллиана, чем презируемая им языческая культовая практика Северной Африки. Заметим также, что добровольное мученичест-

во (провоцирование мученичества) существовало не только среди африканских христиан.

У Ипполита Римского, младшего современника Тертуллиана, под *жертвами* из стиха *Заклала свои жертвы* (ἔσφαξεν τὰ ἑαυτῆς θύματα) (Притч. 9, 2), который, вероятно, имел в виду Тертуллиан в Scorp. 7, 1, понимаются «блаженные пророки, убиваемые неверными, как говорит <псалмопевец>: *Ради тебя мы умерщвляемся весь день* (Пс. 43:23)» (Hipp. Fragm. in Prov. 39). После этих слов в том же стихе Псалма читаем: «рассматриваемся как овцы, <предназначенные для> заклания (ἐλογίσθημεν ὡς πρόβατα σφαγῆς)» (Пс. 43:23). Выше было сказано: «Ты отдал нас, как овец, на съедение (ἔδωκας ἡμᾶς ὡς πρόβατα βρώσεως)» (Пс. 43:12). Таким образом, идея отдания Богом (или Его Премудростью) Своих служителей на заклание/съедение содержится в Священном Писании.

Следовательно, парадоксальное представление о Боге, умерщвляющем Своих почитателей, не чуждо христианской традиции, и Тертуллиан, только усиливший этот образ, должен быть освобожден от обвинения в «сатурнизации» христианства. Именно парадоксальность («жестокость <...> для того убивает, чтобы не умирал тот, которого убивает, <...> я желаю быть убитым, чтобы стать сыном, <...> даже собственного своего Сына Первородного и Единородного божественная мудрость заклала, конечно, грядущего жить, мало того, собирающегося вернуть к жизни и других»), а не кровожадность, является стержнем и основной идеей разбираемой главы. Здесь можно вспомнить слова пасхального гимна «смертию смерть поправ» и многие другие подобные христианские максимы.

Итак, из сопоставления структуры и содержания пассажа из седьмой главы «Скорпиака» со структурой и содержанием подобных отрывков из других произведений Тертуллиана, из анализа его взглядов на культ Сатурна и на мученичество, с учетом его склонности к парадоксальным утверждениям, а также принимая во внимание наличие в Библии пассажей, которые истолковывались в III в. соответствующим образом, можно сделать вывод, что образ африканского Сатурна был привлечен апологетом просто как яркий пример кровожадного языческого божества (наряду с Дианой, Меркурием и Юпитером). Этот пример был, очевидно,

призван показать, что если даже ложным богам их адепты готовы приносить человеческие жертвы, тем более истинный Бог заслуживает такого поклонения. Не «мнимая цитата была привлечена для проведения параллели между изображениями христианского Бога и Сатурна», а параллель между «жестоким» Богом и свирепыми божествами использована для примирения читателей, бывших язычников, с мыслью, извлеченной из Писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбрехт М. фон*. История римской литературы / пер. А. И. Любжина. Т. 3. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2005. 1415–2031 с.
2. *Столяров А. А.* Патрология и патристика. М.: Канон, 2001. 160 с.
3. *Barnes T. D.* Tertullian: a historical and literary study. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1985.
4. *Carlson M. L.* Pagan examples of fortitude in the Latin Christian apologists // *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. № 2. Pp. 93–104.
5. *Leglay M.* Saturne Africain. Histoire. Thèse... Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 1966. 366 p.
6. *Novum Testamentum. Graece et Latine* / eds. K. Aland et oth. Stuttgart, 1984. XVII, 810 p.
7. *Rankin D.* Tertullian and the Church. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1995. XVII, 229 p.
8. *Stockmeier P.* Gottesverständnis und Saturnkult bei Tertullian // *Studia patristica*. 1979. Vol. 17. S. 829–835.

REFERENCES

1. Al'brekht M. fon. *Istoriia rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. V 3-kh t., t. 3, per. A.I. Liubzhina [In 3 vol., vol. 3, transl. from German by A.I. Lyuzhbin]. Т. 3. Moscow, «Greko-Latinskii kabinet» Iu.A.Shichalina, 2005. 1415–2031 s.
2. Stoliarov A.A. *Patrologiia i pristika* [Patrology and Patristics]. М., Kanon Publ., 2001. 160 s.
3. Barnes T.D. *Tertullian: a historical and literary study*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1985. 339 p.
4. Carlson M.L. Pagan examples of fortitude in the Latin Christian apologists. *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. № 2. Pp. 93–104.

5. Leglay M. *Saturne Africain. Histoire. Thèse...* Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 1966. 366 p.
6. *Novum Testamentum*. Graece et Latine. Edd. K. Aland et oth. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1984. XVII, 810 p.
7. Rankin D. *Tertullian and the Church*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1995. XVII, 229 p.
8. Stockmeier P. Gottesverständnis und Saturnkult bei Tertullian. *Studia patristica*. 1979. Vol. 17. S. 829–835.

Братухин Александр Юрьевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета.

Aleksandr Bratukhin

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of World Literature and Culture
at Perm State National Research University.

E-mail: bratucho@yandex.ru